

Найчук А.А.

Лингвистический аспект манипулятивного воздействия в политике.

Найчук Антон Антонович, соискатель ступени кандидат наук
Кафедра политических наук национального университета имени М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина

Аннотация. В данной статье анализируются механизмы осуществления манипуляции общественным сознанием путем лингвистического конструирования политического дискурса. В рамках систематизации методологии манипулирования определены ключевые технологии управления семантическим полем и процедурой когнитивного восприятия корректированного субъектом коммуникации информационного контента, а также выделены алгоритмы синтаксического моделирования высказываний с целью детерминации нужных манипулятору ассоциативных реакций в ментальной среде индивидуума. Для визуализации семантико-синтаксических инструментов в процессе формирования активного политического дискурса в работе проведен разбор практического применения лингвистических архетипов манипуляции в обращении президента США Б. Обамы к американскому народу.

Ключевые слова: политический язык, манипуляция технология, синтаксическая конструкция, лексика, семантика, политическая метафора, общественное сознание.

Современные политический процесс представляет собой модель организации общественной структуры на основе коммуникативного взаимодействия. Политический язык осуществляет не только процедуру вербализации социально-политической реальности, но и проектирует каналы институциональной корреляции и социальной взаимосвязи. Вариативный уровень владения политическим актерами функциональным потенциалом политического языка позволяет говорить о превалировании отдельных социальных групп в сфере распределения коммуникативных прерогатив. Возможность реализации персональных интенций через коммуникативное воздействие подтверждает наличие манипулятивных технологий в структуре политического языка. Активное изучение функциональных аспектов политической коммуникации различными научными школами и интенсификация процессов конструирования социально-политической системы представителями политической власти на основе механизмов коммуникативного взаимодействия делают актуальным комплексное исследование манипулятивного потенциала политической лингвистики.

Данная проблема стала объектом исследования последователей разных научных школ, среди которых следует выделить Н. Хомского, Э. Кассиррера, Г. Лассуэла, А. Шаффа, Р. Сквирра, Д. Лакоффа, Т. Белта, Дж. Остина, Дж. Серля, П. Стросона, К. Бурка, А. Дугина и С. Кара-Мурзу.

Главная цель работы состоит в изучении механизмов манипулятивного воздействия на общественное сознание через лингвистическое программирование. Достижение поставленной задачи подразумевает раскрытие концептов «манипуляция» и «политический язык», определение закономерностей реализации манипулятивного воздействия в политической речи, систематизации лингвистических инструментов и методологии осуществления программирования общественного сознания.

Политический язык, как система общественной коммуникации, элемент моделирования и хранения общественных ценностей и установок имеет значительное влияние на процессы мышления индивидуума, закономерности познавательной деятельности и программирования общественного влияния. Кроме того, в контексте политизации общественной коммуникации, политический язык способен интенсифици-

ровать ассимиляцию социальными массами основ идеологических матриц или воспрепятствовать имплементации идейной структуры неконформистской идеологии. Каждый политический текст или высказывание имеет субъективное обрамление интенциональной ориентации автора и призвано вызвать соответствующую реакцию у реципиента сообщения [4]. Политический язык, в данном случае, выступает функциональным инструментом реализации интересов субъекта общения путем лингвистического воздействия на процессы когнитивной рефлексии реципиента. Таким образом, каждое суждение, спроектированное с помощью речевых конструкций, визуализирует имплицитную позицию и политические ориентиры автора с целью презентации направления его политической идентификации или переубеждения объекта общения в целесообразности и адекватности политических представлений субъекта коммуникации.

Большую ценность для данного исследования представляет коммуникативная интенция переубеждения в рамках формирования институционального и социального канала коммуникативного взаимодействия с политической тематикой. Достижение превалирования собственной позиции в процессе коммуникационной конфронтации или мирного предрасположения объекта влияния в сторону субъективной политической концепции подразумевает мобилизацию технологий речевого воздействия, как результат возникает понятие «манипуляции». Данный концепт по своей сути воплощает процесс имплицитного влияния на социальные массы, основанный на интенциональной архитектонике субъективных сил. Оксфордский словарь определяет манипуляцию как «скрытый контроль и влияние на людей или ситуацию с целью достижения собственных интенций, часто не честными путями [10, с.934]. Впервые описание манипулятивных процессов было осуществлено немецким социологом Г. Франке, который понимал под данными понятием «психологическое воздействие, проводимое втайне, а значит и во вред людям, на которых оно направленное» [3, с.14]. Экстраполяция теоретического результатов исследования манипуляции в сфере психологии в пространство политической науки вылилось в формирование категории «политическая манипуляция», смысл которой, по мнению русского исследователя С. Кара-Мурзы, состоит в доминирова-

нии и духовном влиянии на общество путем программирования его поведения [3, с.33]. В свою очередь, украинский исследователь О. Бойко, систематизировав численные подходы к пониманию данного концепта, сформулировал собственное представление о политической манипуляции как «комплексе психологических, идеологических и организационных действий направленных на скрытую коррекцию массового сознания, с целью стимулирования общественной активности в нужном манипулятору направлении в процессе борьбы за политическую власть, её захват, использование и удержание» [1, с.8]. Таким образом, на основе ключевых принципов реализации – ловкость и скрытность, политическая манипуляция осуществляется компетентными актерами политического процесса с целью проектирования поддельной синтетической действительности и кодификации норм общественного поведения.

Неограниченный функциональный потенциал языка и доступность манипулятивного обрамления коммуникативного взаимодействия определяют лингвистический аспект ключевым инструментом латентного влияния на общественное сознание, эффективным механизмом программирования архетипов поведения и мышления социальных масс. Американский исследователь Г. Лассуэлл достиг значительных успехов в определении закономерностей роли слова в пропаганде, разработав инновационную методику семантического анализа текста. Сущность методики состоит в релевантном значении вариативных терминов, лозунгов и доктрин для восприятия идейной матрицы сообщения. Корректный подбор речевых конструкций обеспечивает формирование политической фикции – политического мифа, который находит свое отражение в политическом языке [3, с.100-101]. Также отмечал ключевую роль слова в ассимиляции латентных пластов информации социальными массами и проектировании штучной социально-политической реальности немецкий исследователь пропагандистского аппарата фашистской Германии Э. Касиррер: «Магическое слово не описывает вещь или отношение между вещами, оно жаждет вырабатывать действия и изменять явления природы. Такие действия не возможно осуществлять без развитого магического искусства. Только маг или чародей способен управлять магией слова, только в его руках оно стает мощным оружием» [3, с.101]. Следовательно, реализация конструктивного потенциала речевого воздействия возможна при управлении процессом субъекта владеющего достаточным уровнем лингвистической компетенции.

В целом, политический язык представляется функциональной средой осуществления манипуляции. Для понимания сущности вариативных технических ухищрений манипулятивного воздействия через речевой акт, данную методологию целесообразно разделить на отдельные за своим инструментальным арсеналом, но гомогенные за своим предназначением сферы:

1. Лексической архитектоники.
2. Семантической модификации.
3. Метафорического конструирования.
4. Контекстуальной ориентации.

5. Моделирования комплексной социально-политической фиктивной реальности.

Каждый сегмент лингвистического воздействия на общественное сознание имеет собственный набор манипулятивных уловок и приемов. Потенциал технологий манипуляции используется субъектами политической коммуникации в зависимости от контекста ситуации и целевой аудитории. Важным элементом психологического воздействия в рамках коммуникативного пространства выступает лексическое конструирование высказывания. Сущность данного процесса состоит в организации текста сообщения в направлении использования словесных конструкций придающих сказанному нужный эффект убеждения. Манипулятивной технологией данного типа является сочетание слов в отдельную категорию с нивелированием семантической целостности сформированного лингвистического понятия. Примером таких лексических конструкций можно считать термины «основная масса» или «преимущественное большинство». Во-первых, при использовании в активном дискурсе данные понятия в основном не подкреплены статистическими данными и направлены исключительно на детерминацию соответствующей психологической реакции реципиента. Во-вторых, контент понятий оставляет вопросы относительно их смысловой адекватности, на основе деформации четкого семантического значения концепта «большинство» как индикатора количественного преобладания при сопоставлении его с лексической формой «преимущественное».

Другой механизм манипулятивного воздействия – проектирование концептов перманентного влияния. Цель данной методики состоит в моделировании понятий и концептов, адаптированных к активному социальному дискурсу и способных провести «стеротипизацию» общественного поведения [14, с.26-27]. Специфика лексико-конструктивного метода основана на соответствии манипулятивной терминологии ментальному содержанию и символической структуре социума – ареола использования произведенных концептов. Потому, данная лексическая схема не имеет универсальный характер и способна дать результат лишь в случае ассимиляции штучных терминов в социальном сознании отдельной общественной структуры.

Функциональным инструментом лингвистического воздействия в рамках лексической архитектоники выступает «сила исходной тезы высказывания» (“force of the opening thesis statement”), охарактеризованная британским исследователем политического языка Д. Джозефом. В рамках данной методики, объект манипулятивного воздействия, в процессе общения воспринимает последующее содержание сообщения через призму эмоционально-семантического оформления начального суждения [11, с. 15]. Высказывание, сформировано в соответствии с лексической конструкцией данного типа, способно произвести ожидаемый эффект даже в случае отсутствия других манипулятивных методик и казалось бы негативного для манипулятора тематического содержания основной части текста. Таким образом, первая ключевая теза высказывания детерминирует субъективность

восприятия последующей информации. На практике, особенность методики прослеживается в печатном дискурсе медиа-ресурсов, когда заголовок неадаптированного текста моделирует рамки дальнейшего понимания реципиентом контента сообщения.

Методологической матрицей лексического конструирования манипулятивного дискурса является корректное сопоставление слов в речевых актах и количественный состав знаменательных частей речи в тексте высказывания. Логическая последовательность лексических единиц в речевой конструкции интенсифицирует восприятие реципиентами коммуникации имплицитных идейных пластов сообщения и способствует идентификации акцентированных ключевых лексических конструкций изречения, имеющих доминирующую семантическую ценность. Ярким примером использования «методики конструктивной манипуляции» может служить речь президента США Б. Обамы касательно вопроса военных действий в Сирии. Амбивалентная позиция аудитории в отношении данной проблемы и состояние международной конъюнктуры вынуждали формировать обращение главы государства к народу на принципах толерантности и формального беспристрастия, но с учетом собственных интенций, оправдания алгоритма дальнейших действий и потенциального преобразования настроенности общественного мнения путем переубеждения в надобности активного вмешательства в сирийский конфликт. Как результат, Обама часто использовал в своей речи слова, обозначающие его уверенность в причастности сирийского правительства к целенаправленному применению химического оружия: «Никто не сомневается, что химическое оружие было использовано в Сирии... Боле того мы знаем, что режим Асада ответственный за это» [6]. Лексическая архитектура обращения президента была устроена таким образом, чтобы термин «химическое оружие» часто фигурирующий в тексте находился рядом с концептом «угроза» создавая целостность семантическое созвучия элементов данной конструкции: «Если бои выйдут за рамки сирийских границ, химическое оружие может создавать угрозу союзникам, таким как Турция, Иордания и Израиль» [6]. Кумулятивный эффект лексического единства высказываний и логичной последовательности презентации идейной линии сообщения создал иллюзию необходимости активных действий США в области решения сирийского вопроса. Финальной акцентированной аргументацией позиции президента стали слова оправдания потенциальных действий вызывающих противоречивую реакцию общественности путем апелляции к созданному ранее в тексте образу «химической угрозы»: «Цель этого удара – удержать Асада от использования химического оружия, разрушить возможности режима по его применению и показать миру, что мы не будем терпеть его использования» [6].

Другой важный манипулятивный ход в контексте лексической конструкции высказываний – мобилизация знаменательных частей речи, способен также создать ощутительный эффект на общественное восприятие. Возвращаясь к тексту официальной речи Б. Обамы, можно заметить частоту применения вариативных глаголов с превалированием слов «использо-

вать» (to use) и «действовать» (to act). Такой семантический динамизм структуры обращения подчеркивает позицию лидерства президента в решении вопроса и в процессе когнитивного восприятия текста реципиентами побуждает аккумуляцию ментальных установок «активного действия» в программе поведения кодифицированного общественного сознания. В противном случае, путем акцентирования на глаголе «использовать» в контексте инцидента с химической атакой для активации в обществе социальных кодов «страха перед угрозой собственной безопасности», подчеркивается возможность повторного применения химического оружия, как результат бездействия.

Дополнительным ресурсом воздействия на общественное восприятие выступает создание надлежащего эмоционального тона высказываний. Частое применение прилагательных вариативного содержания в тексте речи способствует четкой визуализации представленной информации и способно стать катализатором эмоционального восприятия скорректированной манипулятором истины.

Функциональным пространством реализации манипуляции в процессе лингвистического программирования выступает семантическая основа речевых конструкций. Сущность лингвистических манипуляций данного типа состоит в управлении процессами ассоциативного моделирования общественного познания. Манипулятивный эффект достигается путем модификации взаимосвязи слова и его значения, а также с помощью варьирования структурой коннотации и денотации концепта. Семантический плюрализм речевых конструкций объясняет наличие нескольких значений денотативной системы множества понятий. Таким образом, задание манипулятора состоит в поиске отдаленного семантического значения способного нивелировать негативный эффект и звучание исходной семантической формы концепта. Далее, в функциональном поле коннотации, скорректированный текст сообщения манипулятора побуждает характерные ассоциации в сознании реципиента. Примером данных «семантических махинаций» может служить замена слова «война» отдаленным в денотативной системе термином «умиротворение», а военная интервенция может быть представлена словесной конструкцией «защитная реакция», что имеет позитивное для манипулятора ассоциативное значение [3, с.103].

Эффективность семантического воздействия через денотативное многообразие и коннотацию концепта стал детерминантом проектирования сложных конструкций политических эвфемизмов. Современный глобальный политический дискурс функционирует на засадах мобилизации данных семантических трансформаций речевых конструкций. Ключевая интенция использования политических эвфемизмов состоит в стратегии замены лексических схем визуализации функциональных проявлений реальной социально-политической среды словесными конструкциями, которые в своем далеком семантическом значении соответствуют исходному дескриптивному процессу и репрезентируют его сфабрикованную модель, осуществляя воздействие на эмоциональное и смысловое восприятие событий обществом. Специфика данного

лингвистического явления основана на нивелировании слов с негативными ассоциациями путем имплементации в текст высказывания элементов нового корректного словарного запаса. Таким образом, понятия «война», «наступление», «беженцы», «бомбардировка», «нападение» заменяются концептами «конфликт», «операция», «переселенцы», «гуманитарная интервенция», «превентивный удар» соответственно [3, с.105]. Данные лингвистические трансформации – не просто отдельные за своей семантической основой слова и понятия, а сложные речевые конструкции с точно измеренным диапазоном влияния на общественное сознание. На основе процессов выборочной номинации и инсталляции эвфемизмов в речевых актах существует важная манипулятивная функция политического языка – обеспечение перманентной ассоциативной реакции общественности на дескриптивные конструкции [7, с.7].

Другим функциональным аспектом семантического программирования процессов общественного познания выступает гипостазирование. Как отметил исследователь манипулятивного потенциала языка С. Карамурза: «Гипостазирование – присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле – возведение в ранг самостоятельного существования объекта того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо» [3, с.108]. Гипостазирование усложняет способность к рефлексии, анализу собственных решений. Созданные в рамках данной методики речевые конструкции имеют субъективную природу, несут исключительно безосновательное эксплицитное внушение, не будучи при этом подкреплены каким-то статистическими данными или научно-эмпирическими исследованиями и в случае перманентного использования переворачивают сущность политических понятий. Примером манипуляции такого типа может служить использование концептов из других научных сфер в политическом контексте без надлежащего смыслового урегулирования порождающих у слушателя семантический диссонанс, представления субъективных умозаключений реализованных в отдельных авторских категориях продуктом подлинной реальности принятой большинством представителей социума и применение абстрактных лингвистических словоформ для объяснения сложных политических процессов. Обращение к фразе «начать с нуля» в контексте характеристики реформации политической системы может служить для деактивации ментальных стереотипов сформированных социальной программой прежней политической доктрины с целью беспрепятственного навязывания обществу новой социально-политической идеологии.

Важным механизмом лингвистическо-психологического воздействия выступает обращение манипулятора к символической структуре социума. Как отмечал американский исследователь коммуникационных процессов Дж. Гербнер: «Разработка информационного поля и обоснованная интерпретация закономерностей формирования общественных концептов и реакций требуют развития некоторых индикаторов превалирующих тенденций социальной символической среды, на которые отзываются большин-

ство представителей общества» [11, с.13]. Манипуляторы используют вариативные символы, доминирующие в системе ментальных установок и коммуникативного опыта общественности при моделировании семантических основ собственных высказываний. Кодификация нужной информации через архетипы социальной рефлексии детерминируют процесс бессознательной абсорбции социальными массами имплицитного подтекста сообщения.

Одним из методов мотивации ассоциативных реакций общественности через семантическое влияние является «развешивание ярлыков». Данный механизм применяется с целью акселерации использования созданных манипуляторов речевых алгоритмов в активном политическом дискурсе общества, путем воздействия на чувства и подсознание социума и направлен на критику оппонентов или визуализацию событий в нужном ракурсе, даже без приведения рациональных доводов. Ярким примером технологии выступает ярлык «империя зла», использованный президентом США Р. Рейганом для предоставления конфронтации с СССР оттенков религиозного противостояния [3, с.106]. Продуктивно методика «номинации ярлыками» используется и в борьбе за политическую власть на внутренней арене, в том числе во время пропагандистских избирательных кампаний. Например, ярлык «семья» часто использовался представителями нового демократического политического крыла времен «перестройки» против политических приверженцев старой власти. Аналогичный ярлык иногда применяется оппозиционным социальным слоем и в украинском политическом дискурсе для идентификации действующей политической силы. Семантический подтекст данной номинации состоит в социальном архетипе постсовестного общества связывающего понятие «семья» со своеобразным мафиозным кланом в традициях организованной итальянской преступности. Применение такого сравнения связано с интенцией подрыва репутации конкурентной политической силы. Более мягким за своим семантическим содержанием ярлыком «любі друзі» или «помаранчевые» в том же украинском политическом дискурсе неконформистские силы номинировали политическую силу, находящуюся при власти на тот момент.

Кроме лексического конструирования и семантического обрамления высказывания важный аспект осуществления лингвистической манипуляции – применение метафорических схем. В рамках политической лингвистики, метафора перекалывает из «средства эстетического оформления ораторской речи» в «ключевой способ мышления, инструмент аргументации, наделенный сильным прагматическим эффектом». Американские исследователи Дж. Лаккофф и М. Джонсон, в своей книге «Metaphors We Live By», отводят метафоре роль доминантной когнитивной операции в контексте восприятия и презентации реальности [8]. По мнению авторов: «Метафора не ограничивается одной лишь сферой слов: процессы мышления человека в значительной мере метафоричны. Именно это мы имеем в виду, когда говорим, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорично. Метафоры как речевые проявления становятся возможными именно потому, что

они существуют в понятийной системы человека» [5, с.69]. Таким образом, на основе метафоричной матрицы процессов мышления общественности восприятие социально-политической картины осуществляется через индивидуальные архетипы социального сознания. К примеру, политический конфликт может вызывать в человеческой ассоциативной программе сопоставление с войной, избирательная кампания – спортивным соревнованием, а сам политический процесс может быть сопоставлен с театральным выступлением, где гражданское общество выступает аудиторией, а политики – профессиональными актерами, исполняющими свою роль. На основе этого суждения, политическая метафорическая модель – это своеобразная взаимосвязь между презентованной политической реальностью и аналогическими за своей когнитивной сущностью обыденными стереотипами социального сознания. Обществу легче объяснить закономерности политического процесса путем применения близкой для его ментальных ориентиров тематики, потому мобилизация метафорических конструкций с вариативной этимологической основой и семантическим значением способна вызвать в социуме нужные манипулятору ассоциативные реакции.

Кроме уже отмеченных лексико-семантических и метафорических модификации текста высказывания, в рамках осуществления лингвистических манипуляций следует выделить контекстуальные предпосылки формирования сообщения. В английской литературе данная схема имеет название «круговая мотивировка решений» (“rounded statements”). Основой контекстуального механизма манипуляции лежит теория «грамматики мотивов» разработанная К. Бурком. Свою концепцию автор объясняет взаимосвязью коммуникативных элементов составляющих целостность высказывания: «В круговой мотивировке решений, касательно мотивов, мы должны иметь слово, которое называет действие (указывает на то, что имело место в мыслях или действии), другое слова, что определяет кондиции (основу действия, ситуацию в которой она появилась), также мы должны идентифицировать личность или тип личности (субъект действия) совершившей поступок, что он использовал (средства) и какой результат ожидал (цель)» [8, с.83]. Сущность данной манипулятивной методики состоит в акцентировании внимания при вербализации события на одном из коммуникативных элементов, которое определяет контент дальнейших высказываний. Вариация превалярования одного из структурных компонентов радикально меняет тенденцию восприятия и понимания ситуации. Для примера, смоделируем элементарное политическое событие: представитель оппозиции в парламенте, раскритиковал пассивную политику собственной партии, перешел в коалицию власти с целью активного принятия участия в формировании политического аппарата государства. В зависимости от избранного ключевым мотивом высказывания элемента при презентации информации, измениться схема когнитивного усвоения текста. Если взять за основу действие (изменение политической силы) – политик может быть изображен как «перебежчик», который предал свои политические идеалы и избирателей, если сделать акцент на условиях поступка или субъекта

действия (партия с пассивным отношением к государственной политике, не способная удержать целостность собственного кадрового состава) – сообщение может восприниматься как предпосылка для критики безынициативной партии, где каждый представитель отстаивает только собственные интересы, и наконец при смещении акцента внимания на цель депутат (желание участвовать в формировании государственной политики) – политик может быть представлен как человек нацеленный на активное участие в политических процессах и стремящийся не подвести избирателей отработав доверие кресла в парламенте. Таким образом, концепция построения высказывания в зависимости от предмета изображения создает функциональную почву для манипуляции.

Наконец последним механизмом манипуляции общественным сознанием через лингвистическое воздействие в принятой нами технологии выступает проектирование фиктивной реальности – политического мифа. Функциональный аспект данного понятия направлен на создание и визуализацию штучной картины политических событий [9, с.41]. Таким образом, политический миф в рамках коммуникативных процессов – целенаправленный, теоретический акт вербализации трансформированной манипулятором политической реальности. По мнению теоретика американской политики З. Бжезинского: «Миф – это рассказ про опыт событий исторического прошлого нации, что используется для усиления власти действующего режима» [13, с.14]. Примером политической мифологии может служить «миф о глобализации как неизбежности человеческого существования», казалось бы, превалярующие в социально-политической реальности тенденции глобализации опровергаются вариативными концепциями современности, в том числе теорией возвращения к национальным государствам [2, с.104-113]. В любом случае, политическое мифотворчество, в отличие от предыдущих механизмов не зависит исключительно от лингвистического аспекта и представляет собой комплексный набор вариативных процедур психологического воздействия с использованием технологического прогресса. Политический язык отвечает только за вербализацию моделированной реальности.

Систематизация вариативных механизмов осуществления манипуляции через лингвистическое программирование подтверждает неограниченный функциональный потенциал речевого воздействия. Моделирование лексической структуры высказывания, модификация семантического поля сообщения, инсталляция в текст метафорических конструкций, а также управления контекстуальным обрамлением информационной визуализации детерминируют вектор, рамки и динамику восприятия общественностью закодированных манипулятором идейных пластов высказывания. Мобилизация лингвистических инструментов активизирует коммуникативное взаимодействие, интенсифицирует реализацию влияния субъекта общения на психологический климат объекта и обеспечивает достижение нужных манипулятору ассоциативных реакций на имплицитный контент сообщения. Управление каналами коммуникации, диапазоном развития социально-политического диа-

лога и вербализации политического процесса позволяет осуществлять программирование общественного сознания, моделирование социально-политического мировоззрения, кодификацию норм поведения и по-

литической идентификации. Исходя из функционального потенциала лингвистического конструирования, политический язык представляется идеальной средой мапиуляции.

ЛИТЕРАТУРА (REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Бойко О. Д. Анатомія політичного маніпулювання / О. Д. Бойко. – Н.: ДС „Міланік”, 2007. – 223 с.
Boyko O. D. Anatomy of political manipulation / O. D. Boyko. – N.: DS “Milanik”, 2007. – 223 p.
2. Головатий М. Ф. Політична міфологія: Навч. посіб. / М. Ф. Головатий. – К.: МАУП, 2006. – 144 с.
Golovatiy M. F. Political mythology: Educat. manual. / M. F. Golovatiy. – K.: MAUP, 2006. – 144 p.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. / С. Г. Кара-Мурза. – К.: Орианы, 2006. – 528 с.
Kara-Murza S. G. Consciousness manipulation / S. G. Kara-Murza. – K.: Oriani, 2006. – 528 p.
4. Ушакова Т. Н. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова. – СПб.: Алетея, 2000. – 316 с.
Ushakova T. N. Word in action. Intent-analyses of political discourse / T. N. Ushakova, N. D. Pavlova. – St.-P.: Aleteia, 2000. – 316 p.
5. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / А. П. Чудинов. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
Chudinov A. P. Metaphorical mosaic of contemporary political communication: Monograph / A. P. Chudinov. – Ural. state. ped. univ. – Yekaterinburg, 2003. – 248 p.
6. Barak Obama's speech on Syria [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/barackobama/10300943/Barack-Obamas-speech-on-Syria-in-full.html>
Barak Obama's speech on Syria [Media resource]. – Way of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/barackobama/10300943/Barack-Obamas-speech-on-Syria-in-full.html>
7. Beard A. The Language of Politics / A Beard. – Routledge, 1999. – 136 p.
Beard A. The Language of Politics / A Beard. – Routledge, 1999. – 136 p.
8. Brock B., Huglen M. Klumpp J. and Howel S. Making Sense of Political Ideology: The Power of Language in Democracy / B. Brock, M. Huglen, M. Klumpp, S. Howel – M: Rowman & Littlefield, 2005. – 149 p.
Brock B., Huglen M. Klumpp J. and Howel S. Making Sense of Political Ideology: The Power of Language in Democracy / B. Brock, M. Huglen, M. Klumpp, S. Howel – M: Rowman & Littlefield, 2005. – 149 p.
9. Flood C. G. Political Myth: A Theoretical Introduction / C. G. Flood – Routledge, 2002. – 309 p.
Flood C. G. Political Myth: A Theoretical Introduction / C. G. Flood – Routledge, 2002. – 309 p.
10. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby – Oxford University Press, 2005. – 1780 p.
Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby – Oxford University Press, 2005. – 1780 p.
11. Joseph J. E. Language and politics / J. E. Joseph – Edinburgh University Press, 2007. – 170 p.
Joseph J. E. Language and politics / J. E. Joseph – Edinburgh University Press, 2007. – 170 p.
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff – The University of Chicago 2003. – 256 p.
Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff – The University of Chicago 2003. – 256 p.
13. Nimmo D. D., Combs J. E. Subliminal Politics: Myths & Myth-makers in America / D. D. Nimmo – Prentice-Hall, 1980 – 256 p.
Nimmo D. D., Combs J. E. Subliminal Politics: Myths & Mythmakers in America / D. D. Nimmo – Prentice-Hall, 1980 – 256 p.
14. Van Dijk T. Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication / T. Van Dijk – Walter de Gruyter, 1985 – 367 p.
Van Dijk T. Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication / T. Van Dijk – Walter de Gruyter, 1985 – 367 p.

Naychuk A. Linguistic aspect of manipulative impact in politics

Abstract. This article deals with mechanisms of manipulation directed to social consciousness in the way of linguistic construction of political discourse. In the frames of manipulative methodology systematization were defined key technologies of operation by semantic matrix and procedure of cognitive reflection of the content corrected by communicational subject. Also were outlined algorithms of statement syntactical modeling for the purpose of determination associative reactions in the individual mental space which are necessary for manipulator. With the view of semantic-syntactical instruments visualization in the process of active political discourse formation, an analysis of practical usage of linguistics archetypes in B. Obama's speech to American nation is implemented in this work.

Keywords: political language, manipulation, technology, syntactical construction, vocabulary, semantics, political metaphor, social consciousness.